

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

DOI: 10.31857/S086919080028823-2

ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ РЕГИОНА ВОЛЬТА (ГАНА)
1870–1914 гг.: ЕВРОПЕЙСКИЕ ТОРГОВЦЫ, ХРИСТИАНСКИЕ МИССИИ
И ОСОБЕННОСТИ ГЕРМАНСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ

© 2023

А.О. ЛАПУШКИНА ^а^а – Институт Африки РАН, Москва, Россия;

ORCID: 0000-0002-9476-9288; Lapushkina.alina@gmail.com

Резюме: Статья посвящена истории центральной части Вольты (Ганы) второй половины XIX – начала XX вв.: торговым операциям европейских предпринимателей, христианским миссиям и особенностям колониального правления. Записки торговцев свидетельствуют, что этот регион играл важную роль в торговле в доколониальный период. Торговля рабами, хлопком, слоновой костью, пальмовым маслом и другими товарами вносила существенный вклад в экономику бассейна Вольты. Нет однозначного мнения о значении этого региона для европейцев в доколониальный период: с одной стороны, европейцы воспринимали его как территорию, богатую ценными ресурсами, и видели в нём потенциал для экономического развития и превращения в экономически самодостаточную и приносящую прибыль зону под колониальным правлением; с другой стороны, возможно, что европейцы использовали маршруты через центральную часть региона Вольта лишь для того, чтобы добраться до самых значимых невольничьих рынков в эпоху работорговли. С середины XIX в. территория современной восточной Ганы находилась под влиянием разных европейских держав (Дании, Великобритании, Франции), а затем и колониальных правительств (Германии, Великобритании). Однако именно германское колониальное правление, хотя и относительно непродолжительное, а главное – деятельность Бременской миссии, во многом определили историческую траекторию центральной части региона Вольта в доколониальный и колониальный периоды. Многие из информантов, беседовавших с исследователями, получили работу или образование благодаря немцам, а также, возможно, находились под влиянием мнения о прошлом со стороны вождей центральной части региона Вольта, отсюда их идеализация «немецкого» прошлого. Однако собственные результаты исследования автора в 2011–2013 гг. также указывают на более «утилитарное» отношение к аватиме при британском режиме (в восприятии самих аватиме) по сравнению с отношением бременских миссионеров, заложивших основы школьной системы и профессионального образования.

Ключевые слова: Западная Африка, XIX–XX вв., регион Вольта, колонизация, торговцы, Германский Тоголенд, миссия.

Для цитирования: Лапушкина А.О. История центральной части региона Вольта (Гана) 1870–1914 гг.: европейские торговцы, христианские миссии и особенности германского колониального правления. *Восток (Oriens)*. 2023. № 6. С. 91–103. DOI: 10.31857/S086919080028823-2

HISTORY OF THE CENTRAL VOLTA REGION (GHANA) 1870–1914: EUROPEAN MERCHANTS, CHRISTIAN MISSIONS AND FEATURES OF GERMAN COLONIAL GOVERNMENT

© 2023

Alina O. LAPUSHKINA ^a

^a – Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0002-9476-9288; Lapushkina.alina@gmail.com

Abstract: *The article is dedicated to the history of the central part of Volta (Ghana) in the second half of the 19th-early 20th centuries: the trading operations of European entrepreneurs, Christian missions, and the peculiarities of colonial rule. The trade in slaves, cotton, ivory, palm oil and other goods made a significant contribution to the economy of the Volta basin. On the one hand, Europeans perceived it as a territory with valuable resources, and saw the potential in it for economic development and transformation into an economically self-sufficient and profitable zone under colonial rule; on the other hand, it is possible that Europeans used the routes through the central part of the Volta region only to get to the most important slave markets in the Slave Trade Era. From the mid-19th century, the territory of modern Eastern Ghana was under the influence of various European countries (Denmark, Great Britain, France) and then the colonial governments (Germany, Great Britain). However, it was the German colonial rule (although relatively short) and most importantly the activities of the Bremen Mission that largely determined the historical trajectory of the central part of the Volta region in the pre-colonial and colonial periods. The author's own results of research also point to a more "utilitarian" attitude to the Avatime under the British regime (in the perception of the Avatime themselves) compared to the attitude of the Bremen missionaries acting "for a good cause" and laying the foundations of school system and professional education.*

Keywords: West Africa, 19th–20th centuries, Volta region, colonization, merchants, German Togoland, mission.

For citation: Lapushkina A.O. History of the Central Volta Region (Ghana) 1870–1914: European Merchants, Christian Missions and Features of German Colonial Government. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 6. Pp. 91–103. DOI: 10.31857/S086919080028823-2

С середины XIX в. территория современной восточной Ганы находилась под влиянием разных европейских держав (Дании, Великобритании, Франции), а затем и колониальных правительств (Германии, Великобритании). Однако именно германское колониальное правление, хотя и относительно непродолжительное, а главное – деятельность Бременской миссии, во многом определили историческую траекторию центральной части региона Вольта в доколониальный и колониальный периоды.

В исследовании Р. Клинье и П. Фостер [Clignet, Forster, 1964, p. 191–198] на примере Ганы и Кот-д'Ивуара было проведено сравнение французской и английской колониальных доктрин. Авторы сделали следующие выводы:

- французская система – ассимилятивная, восходящая к представлениям Великой французской революции, базировалась на принципах: французский как единственный язык преподавания, унифицированные учебные программы, централизованный контроль и полная зависимость от колониальных властей, прямая система управления;

• английская система – адаптивная, исходящая из прагматических интересов, в ее рамках практиковались: использование родного языка, по крайней мере, на начальных ступенях образования, разные учебные программы в разных колониях, поверхностный контроль, например, через государственные дотации; косвенная система управления¹.

В чистом виде английский или французский вариант управления встречались редко. Германская колониальная практика в Тоголенде располагалась скорее между этими полюсами: в том числе включала в себя как прямое, так и косвенное (в центральной части региона Вольта) управление. Отечественные африканисты подчеркивали отсутствие четкой границы между системами и, в основном, отмечали, что они обе «представляли собой формы политического порабощения, которые закрепляли господство метрополий над африканскими колониями» [Зотова, 1979, с. 21]. То есть, конечно, есть основания различать прямое и косвенное управление, но не стоит их при этом противопоставлять: например, одно из главных отличий непрямого управления И.И. Потехин усматривает в том, что в колониальную администрацию включается весь автохтонный «африканский государственный механизм, а не отдельные его элементы» [Потехин, 1965, с. 81–82]. В то время как В.А. Субботин сделал обобщающий вывод по отношению к колониальным системам управления в целом, внедренным в Африке, предлагая свести их к «категории степени»: то есть разница лишь в том, что одно колониальное правительство в большей мере прибегало к административному вмешательству в жизнь колоний, чаще дробило территории ранее независимых государств и чаще смещало африканских правителей, чем другое [Субботин, 1973, с. 304–318]. Б.М. Туполев же приводит цитаты из документов и писем, говорящих о германском колониализме в той самой «большей категории степени» «угнетения и эксплуатации коренного населения» [Пегушев, Туполев, 1991, с. 208–209]. В. Менерт с той же коннотацией определяет и германскую колониальную образовательную политику в Африке: «Покорность начальству, готовность к физическому труду в системе колониальной эксплуатации, и, на последнем месте, крайне фрагментарное интеллектуальное образование – вот три определяющих черты образовательных задач, назначенных колонизаторами-империалистами для африканского населения» [Menhert, 1965, S. 35]. Эти задачи были вписаны в колониальную действительность с её противоречиями.

До 1850-х гг. европейские державы, присутствовавшие на Золотом Береге, считали, что центральная часть региона Вольта находится под сюзеренитетом Дании, каким бы минимальным ее влияние ни было в действительности. Европейцы, прибывавшие торговать на побережье, обобщенно называли территорию проживания эве «Верхний Невольничий Берег» (*Upper Slave Coast*) [Greene, 1996, p. 32]. Если с поселениями эве-анло, расположенными на береговой линии, в частности, на юге региона Вольта, европейцы были знакомы, то практически неизведанная территория во внутренних районах континента казалась им «менее развитой, разграбленной соседями» [Fynn, 1971, p. 22–23] и интересовала лишь в качестве источника слоновой кости и «самых лучших рабов...», называемых «криппс» (*Crippes*)» [Fynn, p. 127].

Европейские торговцы чаще использовали термин «авуна» (*Awuna*) вместо современного «анло» (*Anlo*): слово было транскрибировано как «анло» в стандартизированном языке эве, которое возникло в результате усилий бременских миссионеров в конце XIX в. Регион,

¹ Управление колониями реализовывалось через систему сложившихся или заново созданных автохтонных институтов местной власти, которые были включены в общую административную схему в качестве «туземной» части администрации. Формирование системы колониального управления. С.Р. Смирнов считал, что особенностью непрямого управления было «использование в управлении колониями вождей племен и феодалов» и проведение «искусственной не только консервации, но и реконструкции самых отсталых форм докапиталистических общественных отношений». См.: [Смирнов, 1950, с. 137–153].

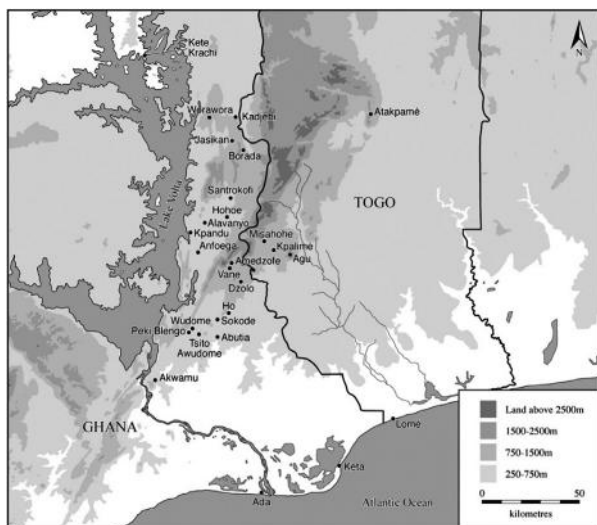

Рис. 1. Карта с расположением населенных пунктов центральной части региона Вольта на территории современных государств Ганы и Того. Источник: [Skinner, 2015, p. 4].

Fig.1. Map with the location of settlements in the central part of the Volta region in the territory of modern Ghana and Togo. Source: [Skinner, 2015, p. 4]

откуда вывозили «самых лучших рабов», часто был обозначен ранними европейцами, как *Crippe*, *Crepe* или *Krepe* [Skinner, 2015, p. 5] (см. рис. 2) – он же центральная Вольта. Есть предположение, что это название пошло от датчан – первых европейцев, контактировавших с жителями этого региона с начала XVIII в. [Debrunner, 1965, p. 68]. Датские торговцы плавали вверх по течению реки Вольта для обмена ружей, пороха на соль и пальмовое масло. Основным местом встречи для обмена товарами было поселение Кпанду (*Kpandu* – см. рис. 1), расположенное вдоль реки. Записки торговцев свидетельствуют о том, что этот регион играл важную роль в торговле в доколониальный период. Торговля рабами, хлопком, слоновой костью, пальмовым маслом и другими товарами вносила существенный вклад в экономику бассейна Вольты [Fynn, 1971, p. 22–23].

Тем не менее В. Яйю в результате анализа литературы о значении центральной части региона Вольта для европейцев в доколониальный период так и не пришел к однозначному выводу: с одной стороны, европейцы воспринимали её как территорию, богатую ценными ресурсами, и видели в ней потенциал для экономического развития и превращения в экономически самодостаточную и приносящую прибыль зону под колониальным правлением; с другой стороны, возможно, что европейцы использовали маршруты через центральную часть региона Вольта лишь для того, чтобы добраться до самых значимых невольничьих рынков в эпоху работорговли². Одним из самых больших рынков, к которому пролегал путь через регион Вольта, был Салага (*Salaga*, на севере современной Ганы) [Yayoh, 2015, p. 129–145].

Ф. Агбодека поднимал эту тему в 1930-е гг., когда центральная часть региона Вольта находилась уже под британским правлением, и приводил цитату информанта, негодующего по поводу потребительского отношения британцев к региону, их нежелания вносить вклад в его экономическое развитие и человеческий потенциал: «До прихода белого человека мы

² Например, невольничий рынок в центре одного из поселений аватиме.

Рис. 2. Центральная часть региона Вольта (Krepe) на карте 1850 г. Источник: [Skinner, 2015, p. 7].

Fig. 2. The central part of the Volta region (Krepe) on the map (1850). Source: [Skinner, 2015, p. 7].

усовершенствовали многие навыки – ткачество, использование табака и плавку железа. В результате тогда нам не нужны были товары европейского производства так, как они были нужны Золотому Берегу. Они [британцы] скорее приезжали в Тоголенд, чтобы покупать вещи, которые не могли найти в своем районе, например, ткань» [Agbodeka, 1972, p. 88].

Европейские торговцы в центральной части региона Вольта. Есть сведения о появлении европейских торговцев с 1830-х по 1870-е гг. в центральной части региона Вольта. В первой половине XIX в. в этом регионе расширялся ареал торговых сетей. Однако более постоянные траектории пути через центральную часть региона Вольта, производство товаров и налаженные контакты для торговли вырисовались к 1850-м гг.: на севере, вверх по реке Вольта пролегалли транс-сахарские торговые пути [Johnson, 1965]; на северо-востоке – в города народа хауса в современной Северной Нигерии (через Атакпаме) и еще далее [Buhler, 1975]; и на юг – в Золотой Берег [Johnson, 1965; Bonnat, 1995; Buhler, 1975; Naengar, 2000]. П. Бюлер также отмечает, что эве обладали прочными торговыми связями за пределами своего региона [Buhler, 1975]. Тем самым исследователь видит народы центральной части Вольты более самостоятельными, чем просто вассалами ашанти. Л. Брайдон пишет о самом раннем доступном документе, свидетельствующем о связи между приморскими городами и центральной частью региона Вольта [Brydon, 2008, p. 23–42]: на картах П. Тенинга [Brydon, 2008, p. 23] отмечены первые запечатленные торговые маршруты из прибрежных районов вокруг Ады и Кеты (см. рис. 1) с названиями деревень, в которых находились рынки. Торговцы – местные, прибрежные и европейские – покупали ряд товаров у производителей региона Вольта (центральной и южной частей) и в обмен продавали то, что пользовалось спросом.

После Закона Британской империи об отмене работорговли [An Act for the Abolition, 1807] с 1807 г. основные пункты работорговли сместились на восток, и рост населения в прибрежных районах Невольничьего Берега создал спрос на продукты питания. Такие поселения, как Аньяко в лагуне Кеты (*L.Keta* на рис. 3) и Вая (*Wayu* на полпути от Аньяко к Хо,

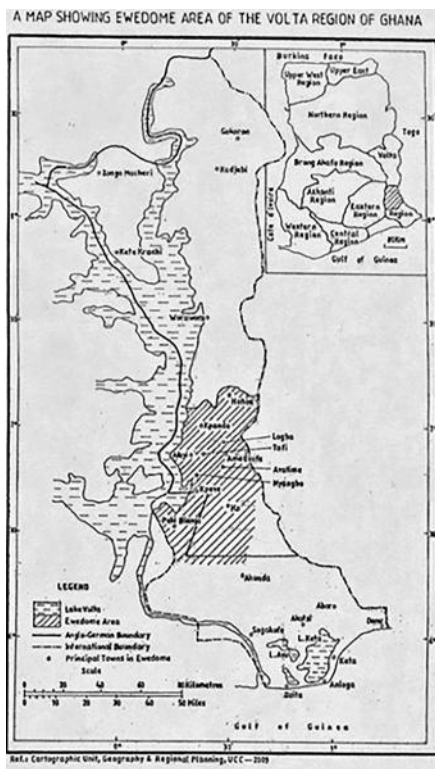

Рис. 3. Расположение Эведом в регионе Вольта. Источник: [Yayoh, 2016, p. 2].

Fig. 3. Location of the Ewedome in the Volta region. Source: [Yayoh, 2016, p. 2].

см. на рис. 3),³ приобретали все большее значение как ключевые пункты транспортировки продуктов питания и рабов, а затем, начиная с середины столетия, и пальмового масла, когда эве присоединились к экспортным потокам товаров в Европу. Если в начале XIX в. структура их торговых путей была диверсифицированной, то к 1850-м гг. сформировалось явно выраженное смещение торговой активности в южном, прибрежном направлении.

В 1850-х гг., когда датчане покинули побережье, центральная часть региона Вольта перешла под влияние Великобритании, которое в целом оставалось таким же незначительным, как при датчанах. Минимальное влияние, тем не менее, имело значение для исторического развития и трансформации африканских обществ. Торговля основными продуктами питания связывала эве с прибрежными поселениями, а торговля хлопком, кофе и пальмовым маслом – с европейцами.

Если в начале XIX в. африканцы получали от европейцев в основном оружие, боеприпасы и спиртные напитки, то позже импорт стал включать одежду и к 1900 г. – регалии (знаки королевской власти), европейские предметы утвари [Buhler, 1975].

Бременские миссионеры, которые основали станцию в Хо в 1859 г., порой испытывали острую нехватку денег и добывали дополнительные средства за счет торговли, в том числе каучуком и – до 1869 г. – кофе [Debrunner, 1965]. Миссионеры и их жены также производили

³ Вая (Waya) был ближайшим рынком к аватиме на тот момент. Между Вая и рынком у аватиме в Дзокпе было 60 км, то есть примерно 13 часов пути пешим ходом.

выпечку, сосиски и другие мясные продукты для продажи на местных рынках [Ustorf, 2002]. К 1860-м гг. они стали выращивать хлопок и рассчитывали на него в качестве потенциального источника доходов. В отчете торговца М. Бонна за 1869 г. упомянуто, что он покупал хлопок в Хо даже в день захвата города войсками ашанти [Bonnat, 1995, p. 600].

Регион проживания эве сформировался как этнокультурная общность соседних народов в первой половине XIX в. В то время он был известен из-за активной зоны коммерческих сетей торговли рабами и отличался широким ассортиментом товаров, изменчивым в зависимости от местного и международного спроса. Центральная часть региона Вольта служила перекрестком торговых путей: множество специализированных рынков, ограниченных с запада рекой Вольта, которая сама по себе была важным торговым маршрутом. Кажущаяся доступность этих земель на практике осложнялась их топографией. Народы региона говорили на разных языках, имели разное происхождение и традиции. Население формировалось волнами мигрантов, поглотивших местные этнические группы или бывших поглощенными ими. В целом таковым было состояние дел до конца 1860-х гг. В последующие годы до наступления колониализма центральная часть региона Вольта претерпела военную экспансию со стороны ашанти, которая повлекла за собой катастрофическое ухудшение социально-экономического положения народов этого региона. Особенно сильно последствия экспансии коснулись аватиме, так как решающее сражение происходило на горе Геми, где расположено большинство деревень аватиме, которые в ходе битв были разрушены.

Тоголенд в период германского правления (1884–1914 гг.). В ноябре 1884 г. состоялась Берлинская конференция, в которой участвовали представители стран Европы и Соединенных Штатов Америки. Целью конференции было «урегулировать политическое разделение Африки, ликвидировать существующее африканское самоуправление и ввести колониальное руководство» [Knoll, 1978, p. 224]. В результате принятых решений были узаконены два германских протектората: Тоголенд и Камерун.

В феврале 1884 г. вожди прибрежного города Анехо были похищены немецкими солдатами и были вынуждены подписать договор о защите [Laumann, 2018, p. 195–211]. 5 июля 1884 г. Г. Нахтигаль (немецкий исследователь, врач, имперский консул и комиссар по Западной Африке) подписал договор с вождем Млапа III, в котором он объявил территорию вдоль Невольничьего Берега германским протекторатом. Впервые на африканском континенте был поднят флаг имперской Германии – на небольшой канонерской лодке, пришвартованной к берегу. Консул Генрих Людвиг Рандад-младший, агент фирмы Гедельц (C. Goedelts), был назначен первым комиссаром [Washausen, 1968, p. 79].

Британцы были крайне заинтересованы в сохранении важного коммерческого маршрута от северных территорий Вольты к побережью Золотого Берега⁴. В результате 7 октября 1886 г. западная часть центральной Вольты (Ewedome) и весь южный регион анло стали территорией Британского протектората и были включены в колонию Золотой Берег [Edward, 2017]. Германия постепенно расширяла ареал своего влияния и двигалась на север, вглубь континента.

В 1890 г. Великобритания уступила настойчивому желанию Германии занять центральную часть региона Вольта [Togoland, 2021]. После заключения Гельголандского

⁴ Напомним, что именно на севере находился самый большой рынок Салага (в том числе невольничий), куда торговцы по реке Вольта везли товары для продажи и обмена. В 1896 г. вожди множества земель севера современной Ганы заключили договоры с Британской империей, в соответствии с которыми они не имели права сотрудничать с какой-либо другой державой, уступать территорию или принимать протектораты без согласия Ее Британского Величества. Северные территории были образованы как округ в 1897 г., в 1901–1957 гг. официально имели статус Британского протектората. См. [Roberts-Wray, 1966, p. 789]. На карте 1902 г. указаны маршруты от/к рынку Салага и граница между британским и германским протекторатами. См.: [Hertslet, Brant, Sherwood, 1909].

договора, определившего точную восточную границу британской территории, большая часть центральной Вольты перешла под протекторат Германии [Yayoh, 2016, p. 133]. Таким образом, Пеки Бленго (*Peki Blengo*) и Авудоме (*Awudome*), важные города с коммерческой точки зрения, особенно для аватиме, остались на британской территории, в то время как вся остальная (восточная) часть территории стала германской (см. рис. 1) [Yayoh, 2002, p. 67–81]. К 1890 г. общее количество немецких чиновников в колонии составляло лишь 12 человек [Anemuneu, 1989, p. 623–639].

Колонизация Тоголенда Германией была ответом на требования немецких торговцев о защите от «произвольных таможенных пошлин, взимаемых африканскими вождями» вдоль реки Вольта [Togoland, the German Protectorate, 1885]. Приезд Г. Нахтингалья в Ломе в 1884 г. изначально был призван решить проблему между местными вождями и немецкими торговцами [Anemuneu, 1989, p. 623–639]. В результате этот шаг привел к установлению первого германского протектората. Вероятно, именно поэтому политика германской администрации здесь носила смешанный характер. Колониальная практика в центральной части региона Вольта отличалась от того, что происходило на территории южного Тоголенда: на побережье прибегли к прямому управлению, а в центральной части – к косвенному [Yayoh, 2015, p. 141].

Период германского колониального правления в центральной части региона Вольта был коротким: несмотря на то, что по договору Эведом стал подмандатной территорией в 1890 г., до 1897 г. (Кпандо) и 1899 г. (Хо) там не было построено ни одного аванпоста [Fage, 1967, p. 701; Amemuneu, 1969, p. 625]. В 1898 г. Мисахое (*Misahohe* – см. рис. 1) был назначен германским административным районом, откуда велось управление центральной частью региона Вольта⁵, и это не случайно – в Мисахое пролегал торговый маршрут, который через Кпандо и Кпалиме вел к важному рынку Салага. Политика децентрализации, в основе которой было разделение местной администрации по административным единицам, каждую из которых составляла та или иная деревня, лежала в основе системы управления [Verdon, 1983, p. 77]. В результате практически каждая деревня становилась автономной политической единицей; каждый глава деревни после посещения Мисахое возвращался с немецким значком и стальным шлемом, как символами власти. Правда, их права и возможности были все же ограничены, особенно в судебных делах: для решения большинства вопросов формально им нужно было отправлять запрос на рассмотрение в колониальную администрацию, но на практике эту ответственность (своевольно) брал на себя комиссар округа (*Bezirksamtmann*), который также должен был быть подотчетным во всех своих решениях перед столичным колониальным губернатором из Ломе [Yayoh, 2015, p. 134].

А. Кнол утверждает, что Германия нацеленно привела традиционное политическое устройство к раздробленности. Однако в отношении к нововведенному порядку у эве он писал, что «возможно, немцы были более реалистичны в отношении акефальной [без руководителя] организации говорящих на [языке] эве и других народов южного Тоголенда» [Knoll, 1978, p. 24]. Народы центральной части региона Вольта, действительно, никогда не были объединены в рамках одного политического образования. Тем не менее германское влияние только закрепило раздробленность в регионе. В первую очередь была поставлена задача предотвратить развивавшуюся централизацию федераций поселений Кпандо, Аватиме, Анфоега и Асогли, действуя по обычному для властей Германии принципу «ослабить племенное единство и сломать племенное правительство» [Illife, 1979, p. 323]. Но парадоксальным образом в итоге бременская миссионерская деятельность вкупе с германской колониальной политикой непреднамеренно привели к возвышению федераций поселений Аватиме, Кпандо и Хо над остальными. Амедзофе, одно из поселений аватиме,

⁵ Германский Тоголенд был разделен на семь округов. См. [Yayoh, 2015, p. 134].

и вовсе становится цитаделью европейского образования с 1890-х гг., когда бременские миссионеры официально и на регулярной основе начали вести работу у аватиме.

Германское колониальное правительство поддерживало миссионерские усилия по продвижению всеобщего образования в этом районе. Сотрудничество имело ценность в первую очередь потому, что первые немецкие чиновники нуждались в услугах миссионеров в качестве советников и переводчиков: с самого начала своего пребывания в центральной части региона Вольта невозможно было не заметить завидное положение Амедзофе, в итоге занявшего в региональной истории образования место первопроходца из-за деятельности бременских миссионеров⁶ [Henderson, 1993, p. 75]. Амедзофе так и остался центром образования на протяжении всего германского колониального периода, привлекая студентов, в том числе издалека.

В 1902–1904 гг. жители центральной части региона Вольта часто выражали свое недовольство политикой жесткого колониального правления. Якоб Спит, миссионер из Бремена, служил региональным адвокатом жителей, представляя их жалобы правительству Германии [Knoll, 1978, p. 56]. В этот период миссионерам стало особенно сложно поддерживать политический нейтралитет [Knoll, p. 55], и разногласий с администрацией у них становилось все больше.

В результате разделения региона Вольта миссионерские станции в Пеки Бленго, Кета, Аньяко и Анло официально оказались на территории Золотого Берега с 1890 г. Все остальные станции, включая Амедзофе, – на территории германской колонии, где статус немецкого языка постепенно повышался из-за продиктованных условий колониальной администрации [Calvert, 1918, p. 84]. Однако сотрудники миссии Бремена, которые долгое время сотрудничали с британцами, а также работали над созданием письменности эве, были не готовы к ведению своей деятельности на другом европейском языке. Напомним, что эве – это группа народов, говорящая на разных диалектах, которые отчасти взаимопонятны, но не идентичны. Миссионеры задались целью установить стандартизированный, универсальный язык эве как для всех групп народов эве, так и для остальных народов, проживающих в регионе.

Бернхард Шлегель – первый миссионер, который изучал культуру и диалекты эве на протяжении всей жизни систематически. Он прибыл в регион Вольта вскоре после Берлинской конференции. Результаты его длительных исследований стали основой для установления стандартизированной версии языка эве: из множества диалектов и языков народов Вольты был выбран именно прибрежный диалект анло, так как миссионеры к тому времени уже давно вели свою деятельность на прибрежной станции в Кета в районе проживания анло⁷. В итоге первый словарь был эве(анло)-немецким, и грамматика тоже основывалась именно на диалекте анло [Schlegel, 1857, S. 327]. Постепенно стандартизированная версия языка эве стала распространяться за пределами Бременской миссии. Такой язык в качестве *lingua franca* был важным инструментом не только для миссионерской деятельности и институционализации образования: перевод Библии, сборника религиозных гимнов и другой литературы, необходимой для богослужения, а также учебников, образовательной программы, словарей и т.п., но и для унификации, укрепления единства между разными группами народов региона Вольта. На стандартизированном диалекте эве велась вся работа

⁶ Подробнее о работе миссионеров и первой военной экспедиции представителей колониальной власти в регион проживания аватиме см. [Лапушкина, 2022. С. 148–159].

⁷ В 1912 г. германские колониальные власти официально утвердили эве-анло в качестве основного языка в регионе Вольта. Это решение положило конец давнему конфликту между Бременской миссией и Католическим обществом «Божественное Слово», так как сотрудники католической миссии, в свою очередь, стандартизировали другой диалект эве – мина. Диалект мина был широко распространен в юго-восточной части Тоголенда. В итоге до 1940-х гг. католических церквей в регионе Вольта не было.

как на станциях, так и в образовательных учреждениях, поэтому немецкий язык стал еще одним важным камнем преткновения между колониальной администрацией и миссией: миссионеры видели смысл в сохранении языка эве в качестве основного в регионе, в то время как немецкий язык был частью программы национализации колонии. Интересно, что миссионеры верили в силу как автохтонного языка народа, так и автохтонной веры, которую они считали лишь христианством. В общем целью миссионера было побудить африканца к формированию «христианского сердца», то есть вернуться к «автохтонным» корням (как это интерпретировала миссия).

Длительное время историки и антропологи относили аватиме к группе народов эве, поэтому их не выделяли в качестве отдельного объекта исследования. К. Скиннер приходит к выводу, что многочисленная группа народов эве – это социальный конструкт, построенный в конце XIX в. миссионерами Базельской и Бременской миссий в рамках политики унификации. Малые народы региона Вольта также были включены ими в состав эве [Skinner, 2015].

В отношении развития инфраструктуры и сельского хозяйства Тоголенда – тех сфер, в которых колонизаторы были заинтересованы для получения прибыли и обеспечения условий работы немецких предпринимателей, – можно говорить о достижении определенных высоких результатов. К 1904 г. Германский Тоголенд, в основном из-за введения прямых налогов и принудительного труда, стал настолько экономически жизнеспособным по мнению администрации, что Германия больше не считала необходимым предоставлять субсидии региону [Crabtree, 1915, p. 169].

Образование в Германии Колониального сельскохозяйственного совета (*Kolonial Wirtschaftliches Komitee*) в 1896 г. поспособствовало интенсификации сельскохозяйственной деятельности в германских колониях в Африке [Hagberg, 1901, p. 32]. Немцы привнесли научный подход в культивирование основных экспортных культур Тоголенда (какао, кофе, хлопка). Инфраструктура колонии была развита до одного из самых высоких уровней в Африке [Togoland, 2021]. Были построены дороги и мосты к внутренним горным хребтам и три железнодорожные линии из столицы Ломе: вдоль побережья до Анехо в 1905 г., до Кпалиме в 1907 г. и самая длинная линия (*Hinterlandbahn*) до Атакпаме к 1911 г. – всего появилось около 1000 км дорог к 1914 г. [Haupt, 1984, S. 82].

Сразу после начала Первой мировой войны в августе 1914 г. британский командующий подполковник Фредерик Каркет Брайант завоевал Тоголенд с войском в 1200 человек, большинство из которых были африканцами. Немецкий губернатор, барон Ганс Георг фон Деринг, без единого выстрела сдал Ломе британцам, судя по данным новостной хроники 1914 г., вызвав тем самым ликование во всем Ломе [Yayoh, 2015, p. 140].

Д. Лауманн в работе 2018 г. «Память о немцах в Гане» [Laumann, 2018] делится противоречивыми, на его взгляд, и неожиданными наблюдениями по итогу многолетнего собирания устной истории о деятельности немецких сотрудников (миссии и администрации) и ее влиянии на жителей центрального Тоголенда. Перед началом работы Д. Лауманн изучил множество научных трудов, посвященных германской колониальной истории, анализу этих трудов автор также посвятил отдельную главу в своей книге. Однако результаты его собственного исследования не вписывались в общую парадигму о восприятии немцев в Африке: жители бывшего центрального Тоголенда скорее положительно отзывались о немцах и жизни при них. Основные гипотезы о возможных причинах такого отношения следующие [Laumann, 2018, p. 144–145]:

- Колониальные постройки в бывшем центральном Тоголенде, свидетельствующие о присутствии немцев, стали «старой», исторической частью городов (иногда – туристической, т. е. приносящей прибыль за счет иногородних и иностранцев) и до сих пор использовались

по назначению – как материальное свидетельство положительных аспектов деятельности немецких миссионеров;

- Полученные знания в процессе образования и при профессиональной подготовке в период влияния Германии в регионе передавались затем из поколения в поколение вместе с уважительным отношением к немцам;

- Некоторые организации, созданные еще немцами, существуют до сих пор, при участии и под руководством местных, но сохранив исходные ролевые модели поведения членов организации.

Стоит добавить к списку возможных причин также регулярный выпуск юбилейных сборников Евангельской-Пресвитерианской церкви, который поддерживает память о хорошей репутации немцев в регионе.

Информанты для исследования Д. Лауманна были выбраны по совету жителей городов и деревень, т. е. ему рекомендовали «людей наиболее знакомых с германским периодом» в каждом городе или деревне, где он работал [Laumann, 2018, p. 144, 153]. Эти люди имели прямое (например, сами работали на предприятиях с немецким участием) или косвенное (их родители работали или получали образование) отношение к деятельности немцев. В интервью они, как правило, подчеркивали позитивные стороны общения с немцами. Интересно, что старейшины рекомендовали только мужчин, обозначая их «исследователями германского периода» (*German Scholars*) [Laumann, 2018, p. 145], в то время как, если автор брал интервью у женщины, то мужчины называли ее «устным историком германской оккупации» (*Oral Historian of the German Occupation*) и позволяли себе перебивать или указывать на неправдоподобность ее слов.

Учитывая приведенные примеры, нельзя исключать и того, что представление о положительном германском влиянии является следствием, в том числе ограниченной выборки: все информанты (или их предки) получили работу или образование благодаря немцам; а также, возможно, является результатом продвижения своего мнения о прошлом со стороны вождей центральной части региона Вольта. Однако собственные результаты исследования автора в 2011–2013 гг., как и Л. Брайдон в 1970-х гг., также указывают на более «утилитарное» отношение к аватиме при британском режиме (в восприятии самих аватиме) по сравнению с результатом работы бременских миссионеров, заложивших основы школьной системы и профессионального образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Зотова Ю.Н. *Традиционные политические институты Нигерии: первая половина XX в.* М.: Наука, 1979 [Zotova Y.N. *Traditional Political Institutions in Nigeria: the First Half of the 20th Century*. Moscow: Nauka, 1979 (in Russian)].

Лапушкина А.О. Благовестники из аватиме (Гана): первая христианская община и ее знакомство с «германским флагом» (1868–1895). *Восток (Oriens)*. 2022. № 3. С. 148–159 [Lapushkina A.O. Evangelists from Avatime (Ghana): the formation of the first Christian community and the introduction to the “German flag” (1868–1895). *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 3. Pp. 148–159].

Пегушев А.М., Туполев Б.М. *Восстание Маджи-Маджи: становление и кризис германского колониального правления в Восточной Африке*. М.: Наука, 1991 [Pegushev A.M., Tupolev B.M. *The Maji-Maji Rebellion: The Rise and Crisis of German Colonial Rule in East Africa*. Moscow: Nauka, 1991 (in Russian)].

Потехин И.И. *Становление новой Ганы*. М.: Наука, 1965 [Potekhin I.I. *The Rise of a New Ghana*. Moscow: Nauka, 1965 (in Russian)].

Смирнов С.Р. Английская политика косвенного управления в Юго-Восточной Нигерии. *Советская этнография*. 1950. № 3. С. 137–153 [Smirnov S.R. The English Policy of Indirect Control in Southeast Nigeria. *Soviet Ethnography*. 1950. No. 3. Pp. 137–153 (in Russian)].

Субботин В.А. *Колонии Франции в 1870–1918 гг.: Тропическая Африка и острова Индийского океана*. М.: Наука, 1973 [Subbotin V.A. *Colonies of France in 1870–1918: Tropical Africa and the Islands of the Indian Ocean*. М.: Nauka, 1973 (in Russian)].

Agbodeka F. *Ghana in the Twentieth Century*. Accra: Ghana Universities Press, 1972.

An Act for the Abolition of the Slave Trade (digital copy), 1807. clck.ru/36rPVw (accessed: 05.05.2021).

Amenumey D.E.K. German Administration in Southern Togo. *The Journal of African History*. 1969. Vol. 10. No. 4. Pp. 623–639.

Bonnat M.-J. *Marie-Joseph Bonnat et les Ashanti: Journal 1869–1874*. Ed. by C.-H. Perrot, A. van Dantzig. Paris: Mémoires de la Société des Africanistes, 1995.

Brydon L. Constructing Avatime: Questions of History and Identity in a West African polity, c. 1690s to the Twentieth century. *The Journal of African History*. 2008. Vol. 49. Is. 1. Pp. 23–42.

Buhler P. *Volta Region of Ghana: Economic Change in Togoland, 1850–1914*. Los Angeles: University of California Press, 1975.

Calvert A.F. *Togoland*. London: Werner and Laurie, 1918.

Clignet R.P., Forster P.J. French and British colonial education in Africa. *Comparative Education Review*. 1964. Vol. 8. Pp. 191–198.

Crabtree W.A. Togoland. *Journal of the Royal African Society*. 1915. Vol. 14. No. 54. Pp. 168–184.

Debrunner H.W. *A Church between Colonial Powers*. London: Lutterworth Press, 1965.

Edward A. *Ulzen Memorial Foundation*. <https://www.eaumf.org/ejm-blog/2017/10/7/on-october-7-1886-krepi-joined-the-british-colony-of-the-gold-coast> (accessed: 03.08.2020).

Page J.D. British and German Colonial Rule: a Synthesis and Summary. *Britain and Germany in Africa: Imperial Rivalry and Colonial rule*. Ed. by L. Roger, W.M. Roger. New Haven: Yale University Press, 1967. Pp. 691–706.

Fynn J.K. *Asante and its Neighbors 1700-1807*. London: Longman, 1971.

Greene S. *Gender, Ethnicity and Social Change on the Upper Slave Coast: A History of Anlo-Ewe*. Portsmouth: Heinemann, 1996.

Hagberg W.C.T. German Methods of Development in Africa. *Journal of the Royal African Society*. 1901. Vol. 1. No. 1. Pp. 23–38.

Haengar P. *Slaves and Slave Holders on the Gold Coast: Towards an Understanding of Social Bondage in West Africa*. Basel: Schlettwein, 2000.

Haupt W. *Deutschlands Schutzgebiete in Übersee 1884–1918: Berichte, Dokumente, Fotos und Karten*. Friedberg: Podzun Pallas, 1984.

Henderson W.O. *The German Colonial Empire 1884–1919*. London: Cass, 1993.

Hertslet E., Brant R.W., Sherwood H.L. *The map of Africa by treaty*. London: printed for H. M. Stationery off., by Harrison and sons, 1909. <https://www.loc.gov/item/99446110/> (accessed: 15.03.2021).

Illife J.A. *Modern History of Tanganyika*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

Johnson M. Ashanti East of the Volta. *Transactions of the Historical Society of Ghana*. 1965. No. 8. Pp. 33–59.

Knoll A.J. *Togo under Imperial Germany (1884–1914): A Case Study in Colonial Rule*. Stanford: Hoover Inst. Press, 1978.

Laumann D. *Remembering the Germans in Ghana*. New York: Peter Lang Inc., 2018.

Roberts-Wray K. *Commonwealth and Colonial Law*. London: Stevens, 1966.

Schlegel J.B. *Schlüssel zur Ewe-Sprache: Dargeboten in den grammatischen Grundzügen des Anlo-Dialektes derselben, mit Wörtersammlung nebst einer Sammlung von Sprichwörtern und einigen Fabeln der Eingeborenen*. Bremen: Valett, 1857.

- Skinner K. *The Fruits of Freedom in British Togoland: Literacy, Politics and Nationalism, 1914–2014*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Togoland. *Encyclopedia Britannica*. <https://www.britannica.com/place/Togoland> (accessed: 19.06.2021).
- Togoland, the German Protectorate on the Slave Coast. *Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography*. 1885. June, 9. clck.ru/36rPjM (accessed: 12.02.2021).
- Ustorf W. *Bremen Missionaries in Togo and Ghana: 1847–1900*. Legon: University of Ghana, 2002.
- Verdon M. *The Abutia Ewe of West Africa: A Chieftdom that Never Was*. Berlin: Mouton, 1983.
- Yayoh W.K. German Rule in Colonial Ewedome (Ghana), 1890-1914. *African Notes*. 2015. Vol. 39. No. 1&2. Pp. 129–145.
- Yayoh W.K. Kpepi states in the eighteenth and the nineteenth centuries. *Transactions of the Historical Society of Ghana*. 2002. No. 6. Pp. 67–81.
- Yayoh W. Transformation in power Structures in Ewedome (Ghana) under Akan Influence, c.1670–1873. *International Journal of Research in Humanities*. 2016. Vol. 5. No. 2. Pp. 185–206.
- Washausen H. *Hamburg und die Kolonialpolitik des Deutschen Reiches 1880 bis 1890*. Hamburg: Hans Christians, 1968.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛАПУШКИНА Алина Олеговна –кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН, Москва, Россия.

Alina O. LAPUSHKINA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.